

РАССКАЗЫ

ПРОБУЖДЕНИЕ

«Эт-но-гра-фи-че-ска-я экс-пе-ди-ци-я», – по слогам нараспев протянула Нелли и рассмеялась. «Что я там забыла? Зачем мне это надо?» – то и дело всплывали вопросы в голове девушки, пока она старательно укладывала вещи перед завтрашним отъездом в глухую полесскую деревушку. Причину неожиданного для многих участия второкурсницы в экспедиции четвертого курса по сбору традиционных весенних песен звали Дима. Парень увлекался этнографией, которую и выбрал своей специализацией на курсе.

Дорога до нужной деревни оказалась весёлой, особенно последние километры, которые компания преодолела на попутном тракторе. Разместившись в отведённой им хате, студенты собрались в одной комнате обсудить планы с руководителем. Нелли раздражало, что возле Димы постоянно мельтешит Агата. «Вот привязалась, а ещё выдумала – называть Диму, на народный манер, Змитром, – мысленно возмущалась Нелли. – А ему, похоже, нравится».

– Завтра с самого утра местные для нас проведут «Гуканне вясны»¹, так что ужинаем и расходимся спать, – объявил в конце обсуждения начальник экспедиции.

Конечно, ужин затянулся, перерос в посиделки с песнями под гитару, смехом, долгими разговорами. Только далеко за полночь все разбрелись спать.

Проснулась Нелли от того, что кто-то тормозил её. Разлепив глаза, она непонимающе уставилась на нависшего над ней Диму:

– О, проснулась. Доброе утро. Давай вставай, скоро выходим. Возьмёшь камеру. И запасной диктофон.

И ушёл, по пути раздавая задания другим студентам. «Больше других ему надо, – сонно ворчала Нелли, проклиная всё на свете. – Зачем я вообще сюда припёрлась? Деревенских рассветов под завывание местных бабок мне в жизни не хватало?».

Вскоре вся команда двинулась на край деревни, где простиралось поле, а чуть поодаль начинался лес. Тут и собирались «гукаць вясну». Женщины выглядели нарядно в цветастых платках и длинных юбках с вышитыми передниками. Немногочисленные мужчины стояли в стороне. Нелли указали место, откуда снимать. Праздник начался. Женщины выстроились в ряд и затянули:

*«Вол бушуе, вясну чую... Гуууу»**

Нелли хмыкнула, подкрутила настройки резкости фотоаппарата и продолжила снимать. Зазвучала следующая песня:

¹ «Гуканне вясны» – древний праздник прощания с зимой и встречи весны. Сопровождается обрядовыми весенними песнями, хороводами. Одна из особенностей традиционных песен-веснянок в том, что каждый куплет заканчивается удлинённым звуком «гу-у-у-у». Люди зовут весну быстрее прийти, радуются первому весеннему солнцу и прогоняют зиму.

«Жавароначки, прыляціце, вясну красную прынясіце...»

Песня лилась, сопровождаемая традиционным «гуууу», так веселившим Нелли поначалу. Женщины пели без какого-либо музыкального сопровождения, самозабвенно отдаваясь происходящему, выпуская на волю народные напевы. Мелодия расплывалась и окутывала всё вокруг. Нелли невольно залюбовалась и заслушалась, продолжая снимать. После небольшой паузы, переведя дыхание, женщины запели:

«Вясна, дзе бувала...»

Песня проникала глубоко в сердце, гулко отзывалась внутри, вырывалась наружу. Нелли прислушивалась к себе и не понимала, что происходит. Она попыталась стряхнуть неясное ощущение, оглянулась по сторонам: тёмный лес подступал к поляне с проталинами, на которой стояли люди и пели, ничего не было в этом сверхъестественного. «Откуда это? Что происходит?» – руки начали слегка дрожать. Нелли передала камеру вовремя оказавшемуся рядом парню из экспедиции. А сама застыла, слушала, впитывала:

«Вясна, дзе бувала...»

Потом завели хоровод, в который попала и Нелли. Мелодия, напеваемая десятками голосов, слившимися в один поток, неслась по околицам. Нелли шла в хороводе, боялась споткнуться и расплескать переполнявшие до краёв новые эмоции, ощущения. Здесь, под просторным весенним небом, среди леса и только начинающей дышать земли, шли люди по кругу и пели, как много веков до них делали их предки, и всё те же были небо, лес, песни. Нелли делала шаг за шагом в этом бесконечном хороводе, отдаваясь звучащей природе, она и сама звучала, чувствуя себя маленькой частью того вечного космоса, обрушившегося на неё в полесской глуши.

«Гуканне вясны» продолжалось. Не в силах совладать с собой, Нелли отошла в сторону. Её мелко трясло. Внезапные слёзы полились рекой. Она прислонилась к старому дубу и неожиданно ощутила движение, биение жизни под сухой морщинистой корой. Пробудившиеся древние силы жизни струились по стволу, лились по корням, текли мощным потоком, пронизывая прижавшуюся к дереву, замершую в необъяснимом восторге Нелли.

Рядом оказался встревоженный Дима:

– Ты в порядке, Нелька? Что с тобой?

Нелли подняла на него глаза и улыбнулась:

– Всё хорошо, Змитрок. Это весна!

**Все приведенные строки взяты из песен-веснянок.*

OLÁ!

Памяти Diego Frazão Torquato²

Сегодня хороший день. Голова у Диего совсем не болит. Да и всё тело такое лёгкое, гибкое и крепкое – это редкость. Диего не перестаёт улыбаться, переходя на другую

¹ Привет! (порт.)

² Диего Фразан Торквато (Diego Frazão Torquato), известный как Диего ду Виолино, 1997–2010 гг.

сторону улицы, вспоминает, как ловко улизнул из дома, хоть Камила и бранилась в спину, разгадав его намерение. Ничего, пошумит и успокоится, тем более дядя Эдуарду в гостях. Вчера, довольный случайным заработком, подобревший от выпитой кашасы, он раздавал детям мелочь.

Теперь Диего ощущает себя богачом и собирается на целый день выбраться куда подальше, для начала – в небольшой полузаброшенный парк на окраине Дуки-ди-Кашиас. По дороге ему на глаза попадаете пристроившийся на тротуаре в слабой тени навеса Маркус, наверняка уже поймавший свой привычный кайф. Можно изловчиться, пнуть его сейчас и убежать. Но Диего проходит мимо: не хочет тратить время на мелкие шалости. Вдалеке он видит, как Луис с компанией пристаёт к местному забулдыге – бедолаге Карлосу, безобидному старику, ветерану тупамарос. И Габриэлла с ними. С недавних пор нравится ей водиться с этими хулиганами. Можно было бы вступить за старика Карлоса, рискуя быть побитым самому. Интересно, Габриэлла бы оценила? Но сегодня Диего этого не узнает, он скорее сворачивает за угол, избегая встречи с девчонкой и всей компанией. Нельзя портить себе такой счастливый день, выпавший среди беспросветных, всевозможных, привычных бед в жизни мальчишки из фавел.

Толстая продавщица, позвякивая яркими браслетами, с подозрением крутит в руках реал, протянутый Диего, однако даёт сдачу и вручает огромный ком белоснежной сахарной ваты, начинающей мгновенно таять на солнце. Но Диего проворнее, он успевает слизывать невесомую сладость, пробираясь тропинками между пальм в поисках тени. На удивление на небе сегодня несколько пушистых как вата облаков. Диего воображает, как можно забраться на плечи Христу, защищающему Рио, и ловко намотать на палку огромный ком облачной ваты, потому что та, что у него в руках, к сожалению, закончилась слишком быстро.

Вдруг внимание мальчика привлекают звуки музыки. Он бесшумно крадётся в поисках источника и видит на скамейке мужчину, играющего на скрипке. Тот сидит, закрыв глаза, водит смычком и отпускает летать над городом красивую мелодию. Диего слушает, позабыв обо всём. И вдруг ловит на себе взгляд скрипача. Первая мысль – конечно, убежать, однако мужчина улыбается и идёт навстречу. Внимательно смотрит в глаза Диего, продолжая улыбаться:

– Привет!

Сейчас Диего не знает, насколько важной окажется для него эта встреча, не догадывается, что предчувствие о хорошем дне сегодня его не обмануло. Ему неизвестно, что незнакомец – это Эвандру Жуан да Силва, уважаемый учитель музыки, помогающий детям из фавел вырваться из жизни, полной нищеты и насилия. Впереди Диего ждёт обучение музыке, игра в струнном оркестре Afroreggae. Ему, мальчику, натерпевшемуся много боли и страха, страдавшему менингитом, уготовано стать «символом надежды» в борьбе с лейкемией и преступными действиями полиции. Не знает он также и того, что учитель будет убит во время полицейского штурма фавел в октябре 2009 года, а он, Diego Frazão Torquato, известный как Диего ду Виолино, будет играть на скрипке на похоронах учителя и попадёт в объектив фотографа Маркоса Тристао. И эта эмоциональная фотография будет долго продолжать цеплять многих людей во всём мире, напоминая о трагедии, о силе музыки, о таких личностях, как Силва, о судьбе самого Диего. Не знает он также, что болезнь окажется сильнее оставшегося одиноким мальчишки, что

ученик переживёт своего учителя менее чем на полгода.

Всё это впереди, а сейчас Диего улыбается в ответ, заглядывает в глаза незнакомому музыканту и говорит:

– Привет!

БАБЬЕ ЛЕТО

На поленнице разлеглась греющаяся на солнце кошка, которая только слегка повела ухом на постукивание занавески из ярких, густо нанизанных на леску деревяшек. Открыв настежь дверь и поправив спутавшиеся бусины занавески, на порог своего дома вышла старая женщина в цветастом платке.

Закончив сметать сухие листья, нанесенные ветром к крыльцу, женщина облокотилась на поленницу и замерла, глядя на почти убранный огород. Почесав кошку за ухом, проговорила, обращаясь к ней:

– Гляди, Баська, а летает паутинка-то. И телпынь такая сегодня. Видать, вот оно бабье лето и пришло. Наше с тобой лето.

Кошка потянулась и лениво муркнула, поддерживая разговор.

Старушка отправилась к навесу у сарая, где на ржавых, вбитых в бревенчатую стену гвоздях висели плетёнки лука, чеснока, пучки трав. Заботливо всё проверив, она сняла несколько высохших охапок фасоли, затем удобно пристроилась у крыльца и начала лущить фасоль. Белые и коричневые семена из стручков сначала звонко, а потом беззвучно падали в железную миску.

Перебирая рукой и пересыпая фасолины, женщина пробормотала, отзываясь на какие-то свои воспоминания:

– А вот, может, столько дней-то и прожито, как фасолин этих, одни светлые, другие тёмные, а в памяти уж всё перепуталось...

Её размышления-воспоминания прервал скрип открывшейся калитки. Во двор зашёл с лукошком яблок сосед. На самом деле он жил на другом конце деревни, но они все, немногие оставшиеся старики, считали друг друга соседями.

– Здорова, Гэлька.

– Здорова, Степаныч.

– А я вот тебе яблок принёс, такой урожай в этом году.

– А то я не знаю, у меня свои некуда девать, так ещё ты припёр.

– Ай, у тебя такого сорта нет, да и я ж тебе не опад, с дерева хороших наснимал.

– Лучших чем Насте Толиковой вчера занёс?

– От ты всё знаешь, – засмеялся Степаныч. – Тебе самых лучших.

– Свисти больше. Ты б почтальонку нашу угостил что ли, она как раз через пару дней пенсию должна привезти.

– А ты не учи! Угощу, я ей ещё тыкву и картошку подготовил. У меня, может, к ней серьёзные намерения, – приосанился и поправил кепку мужчина.

– Ой, жених, нашёлся, – рассмеялась Гэля. – Ладно, спасибо, пересыпай свои яблоки, вон ящик под грушей. О, а может тебе груши надо?

– Не, что мне твои груши, мне б того, что ты на рябине настаиваешь, – хитро улыбнулся старик.

– Ага, сейчас разбежалась я тебе наливать. Нету у меня настоек, а Насте я за её долгий язык ещё выскажу.

Прижавшись плечами к бревенчатой стене дома, прогретой тёплым осенним солнцем, старик закурил трубку. Выпустив несколько колец дыма, он с грустью в голосе заинтересовался:

– Ну что, твои не приедут?

– Нет, всё никак не выходит у них, – тихо ответила Гэля.

– А мои вот тоже за лето так и не выбрались, – не успел продолжить Степаныч, как женщина его резко оборвала:

– Хватит, ты мне уже сто раз одно и то же рассказываешь, уже уши болят слушать.

Ты мне лучше скажи, можешь радиоточку поправить, что-то барахлит?

– Ну можно глянуть, что там за проблема, – докурив, старик протопал в дом.

Через некоторое время, провозившись с радио, Степаныч вернулся:

– Порядок, там у тебя только проводок отходил, я починил, за что теперь и выпить не грех, – поглядел довольный собой мастер на хозяйку.

– От ты ж не отстанешь, не готово ещё, настоится – выпьем, – спокойно ответила женщина, – если доживём.

– Эээх... А вот помру, так хоть вся родня соберётся, – отозвался Степаныч. – Ладно, пойду я уже. Бывай.

– Ага. Бывай.

И старик с лукошком на плече поплёлся к калитке. Гэля проводила его и, уже закрыв калитку на щеколду, окрикнула:

– Степаныч, ты это – не помирай пока. Осень такая хорошая, бабье лето во.

– Не боись, Гэлька, переживём твою осень и зиму перезимуем. Надо ж по весне аистов, что у меня на липе возле дома поселились, дожждаться.

Кивнув на прощание, старик зашагал дальше по тихой, пустой, приукрашенной жёлто-красным цветом, чуть затянутой дымом редких осенних кострищ, деревенской улице.

МИГ ВСТРЕЧИ

Бабушке и трём её сестрам

Стук колес поезда не давал уснуть, хотя спать Анэте хотелось. Но нельзя: нужно было быть внимательной, чтобы не прозевать свою станцию. Она первый раз в жизни ехала поездом. Машинист товарняка согласился пустить её в вагон, где она укрылась в углу среди ящиков и настороженно смотрела вокруг. Иногда сквозь щели вагона пробивался тусклый свет, значит, проезжали крупную станцию. Женщина в эти моменты подрывалась, пытаясь что-то разглядеть сквозь не плотно прилегающую дверь вагона, но почти ничего не успевала заметить, только вдыхала клубы паровозного дыма, заставлявшего слезиться глаза. Завтра вечером, если ничто не помешает, она сможет увидиться

с мужем. Военная часть, где он с другими недавно призванными красноармейцами завершали подготовку, располагалась в небольшом городке на житомирщине, туда и направлялась Анэта.

Поезд, не дойдя пары вёрст до разбомбленной станции, остановился среди небольших холмов, поросших редким ельником, который под нависшим тёмно-серым небом выглядел достаточно мрачно. Немногочисленные пассажиры повыпрыгивали на насыпь и неровной, измотанной войной цепочкой двинулись в сторону почти не тронутого тремя годами войны городка, о чём свидетельствовали редкие сожженные дома, кое-где выщерблины пуль на стенах от мимоходом коснувшихся их обстрелов.

В вечернем полумраке небольшая кучка женщин, как испуганная птичья стая, прижималась друг к другу у КПП. Накрапывал мелкий дождь, ветер трепал платки и полы одинаковой сероватых оттенков одежды, заставляя и без того съёжившихся ожидающих ещё сильнее кутаться в выношенные полинялые пальтишки.

– Адась! Я здесь, – узнав своего мужа, Анэта схватила огромную котомку и бросилась вперед.

Он неуклюже, будто стесняясь, обнял. Постояли молча.

– Доехала, – ласково глядя её обветренное лицо, протянул он. – Как ты управилась только?

– Ой, не спрашивай, как-то добралась. Вот, первый раз в жизни поездом проехала.

– Пойдем. Холодно здесь стоять. Я тут на одну комнату договорился, мужики помогли, согласились. Пойдем.

«Похудел, будто вытянулся вверх, а глаза как угли горят», – шагала следом к какому-то полуразрушенному зданию Анэта.

– Ну вот такие хоромы нам на ночь. Зато тепло, – показал рукой в сторону небольшой печки Адась.

В тесной комнате располагались кровать, стол и какие-то ящики, присев на один из которых, Анэта стала развязывать платок.

– Я тебе вот поесть привезла, – сбросив пальто, она подошла к столу и начала разбирать свой узелок.

– Потом, – мужчина подошел и стиснул жену в объятиях. – Потом.

Страстные поцелуи, крепкие объятия. Все происходило быстро, резкие движения, непослушная мешающая одежда. Анэта задыхалась, было иногда даже больно, но она молча терпела, как можно сильнее сжимая Адася истосковавшимися руками. Муж никогда не был с ней особенно ласков, но сейчас хотелось запомнить все: каждое прикосновение, крепкие руки, горячие губы. И только не думать, что это, может, последний раз...

Потом лежали на кровати, Анэта тихонько замерла, прижавшись к Адася, боялась пошевелиться, жмурилась, стараясь не думать, где они сейчас и что на самом деле вокруг.

– Ты извини, что я грубо, соскучился, сама понимаешь, – неожиданно произнес Адам.

– Все хорошо, – ответила Анэта.

– Как дети? Как вы там?

– Дети у бабы с дедом. Ничего, потихоньку как-то живем. Картошка в этом году неплохая выросла. Недавно коня нашего перегнали на хутор к твоим, там всё-таки спокойнее. Жалко, если заберут. Лёдя одна сама на нем через лес добиралась. А вас скоро уже на запад?

– Скоро, но никто не говорит когда, – мрачно процедил мужчина. – Так что ты там привезла, давай, ты ведь тоже с дороги голодная.

– Да, сейчас, давай еще минутку полежим.

На рассвете сгорбленная усталая женщина выходила через КПП. Ей вослед смотрел мужчина, в непослушных пальцах которого все не хотела раскуриваться сигарка.

«Не плакать, только не плакать», – по дороге к поезду твердила себе Анэта. И только когда удалось договориться с машинистом и забиться в пустой угол вагона, она дала волю слезам. Дорогу назад почти не запомнила.

А потом были редкие письма.

А потом кончилась война.

И пришло еще одно письмо, в котором значилось «Пропал без вести».

ВСПОМНИТЬ ИМЯ

– Фонаря не видели? – крепкий мужчина в новеньком «адидасе» обратился к курившим у погрузочной рампы продуктового магазина работникам. Один из них лениво мотнул головой в неопределенном направлении.

Почему за Фонарём давно закрепилась такая кличка, становилось понятно с первого взгляда на его лицо: под глазом, периодически перемещаясь с одного на другой, красовался неизменный «фонарь», переливаясь всеми оттенками разных стадий гематомы. Поводов не дать ему угаснуть находилось предостаточно.

– Фонарь, сюда иди, – позвал мужчину парня, обнаружив того в заплёванной семечками беседке.

– Ты чего, начальник? – вжав голову в плечи, парень нехотя поплёлся к подозревавшему.

– Да ты иди-иди. Дело есть.

Напрягшись в начале, Фонарь постепенно успокоился, слушая обрывистую речь мужчины, и согласился. Дельце представлялось плёвым, так – вылазка на одну ночь, да и дружанов разрешили позвать. К тому же за деньги.

Смутные сомнения в том, стоит ли участвовать в происходящем, начали проникать в голову разгорячённого выпивкой Фонаря только по прибытии на место, когда вся компания случайно набранных пацанов, выгрузившись из автобусов без номеров, растянулась цепочкой и двинулись к горе, где размещался «вражеский» лагерь. Начальник обещал, что им всё сойдёт с рук и даже многое из прошлых проступков простится. Всего-то надо погнать с горы группку жалких активистов, поугагать, в крайнем случае, силу применить, если понадобится. «Но зачем? Ну, хотя бы защищать горы – пусть защищают.»

Фонарь немного отстал от остальных и направился в другую сторону, куда никто не пошёл. Накрапывающий дождь раздражал, одновременно придавая злости. Из-за ред-

кого кустарника в темноте показался силуэт. «Сам нарывается», – парень смело зашагал навстречу маячившей в просвете между деревьями фигуре.

– Проваливай, слышь? – не сдерживаясь, проорал во всё горло Фонарь, когда до незнакомца оставалось пару шагов.

– Это наша земля. Наши горы. И мы никуда не уйдём, – спокойно проговорил старик, приблизившись к Фонарю и глядя ему прямо в глаза.

На морщинистом лице читалось безграничное спокойствие, глубокая мудрость и непоколебимая уверенность в правоте. Этого нельзя было не почувствовать. Обескураженный и сбитый с толку Фонарь сник и настороженно замер, не смея отвести глаз от ясного, проникающего в самую суть взгляда старика.

Откуда-то послышался знакомый голос деда, сурового и справедливого:

«Вспомни, кто ты? Чей ты? Как твоё имя? Где твоя земля?»

Замотав головой, отгоняя померещившееся видение, Фонарь промычал что-то нечленораздельное и сделал пару шагов назад, споткнулся и стал падать в грязь. Старик ловко удержал его и тихо произнёс:

– Ты хороший парень. Нечего тебе делать на тёмной стороне.

Не в силах противостоять заполнившему сердце необъяснимому трепету, Фонарь выпрямился и протянул руку незнакомцу:

– Дедуля, простите. На самом деле, я не хотел...

– Как тебя звать-то? – оборвал невнятную речь старик.

– Фаннур.

– Хорошее имя. Добро пожаловать домой.

Пока приехавшие «молодчики» не пускали обратно в лагерь защитников горы, несмотря на то, что тем нужно было в свои палатки из-за непрекращающегося дождя, пока привезённая толпа угрожала расправой лагерю, требовала, чтобы активисты покинули гору, махала руками, пугая, что порежут, Фонарь уже на другой стороне стоял плечом к плечу с внезапно ставшим родным стариком, готовый на всё. Он ощущал, что внутри будто зажёгся «фонарь», которому ни за что нельзя позволить угаснуть. Даже очередной, новый «фонарь» под глазом не пугал: «Пусть впервые появится за дело, важнее которого нет сейчас в жизни».

А люди продолжали ехать изо всех окрестных мест, чтобы отстаивать гору и тех, кто ее защищал. В ночь. Несмотря на ливень.

«Это наша земля, наши горы. И мы не уйдём», – как заклинание твердил Фаннур-Фонарь. – «Куштау Йэшә!»¹

¹ Посвящается защитникам башкирских Шиханов и событиям августа 2020 года на Куштау.